

ПИАНИНО . СБОРНИК РАССКАЗОВ

АННА ДРАНИЦЫНА

Анна Драницына

Пианино. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69691960

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник ранних рассказов разных лет, начиная с середины 90х годов. Это истории о людях – смешные, грустные, мистические. Яркие юмористические и лирические портреты наших современников.

Содержание

ЧАШКА КОФЕ	5
ДОМИК ДЛЯ БАРБИ	12
ПИАНИНО	20
ПОДАРОК ГЕРОЮ	29
СЕВЕРНЫЙ ГОЛОС	38
ЧЕРЕПАХА	48
О КНИГАХ И МЫШАХ	50
ЗАВТРА НЕ ПРИДЕТ НИКОГДА	53
ЗДРАВСТВУЙ, ПОСТ!	69

**Анна Драницына
Пианино. Сборник
рассказов**

ЧАШКА КОФЕ

Пахомов Борис Иванович, бизнесмен пятидесяти лет отроду, а среди своих просто Бориваныч, гулял по узким пражским улочкам, вдыхая нежный весенний ветерок. В Питере в это время года еще гнусь полнейшая – грязь, слякоть и продирающий до костей ветер. А тут – весна идет, весне дороге. Газоны почти зеленые, народ без шапок и улыбается без причины. Красота!

Ну, так и гулял бы себе дальше, добрал бы до Староместской площади, поглазел бы на знаменитые часы – как раз подходило время появиться апостолам в маленьких окошках. Потом купил бы пару магнитов на холодильник, а там уже и в отель пора, в аэропорт собираться. Но черт его дернул зайти в магазин мобильных телефонов. Маленький такой, с виду совершенно неприметный, он привлек его внимание вывеской на русском языке. На небольшом плакате в окне красовалась реклама нового сотового телефона. Она гласила – стоит только нажать кнопку с нарисованной на ней кружкой, и клиенту обеспечена доставка чашечки кофе в любую часть света.

– Такого быть не может, наглое маркетинговое вранье, – подумал Бориваныч и пошел было дальше. Но через пару метров повернул назад, помялся немного на крутых ступеньках и нырнул в подвальное помещение. Он и сам был люби-

телем придумывать разные заманухи для клиентов, но чтоб такое!

Там было уютно. Диванчик и небольшой стеллаж с телефонами. Милая девушка налила ему кофе, и как бы невзначай выложила на стол несколько моделей.

– Экскюз ме, ай вонт ту си – начал было потеть и заикаться по-английски Бориваныч, но девушка ласково накрыла его руку своей ладошкой.

– Я отлично говорю по-русски. Не волнуйтесь. Чашечку кофе? Сахар? Две ложки?

Сотруднице компании было на вид лет 25, она напомнила Бориванычу его первую любовь, Катьку Громову. Нежная как пыльца одуванчика.

Чешская девушка была так хороша в серебряном платье, а карие глаза с поволокой смотрели на Бориваныча как на мужчину, для которого покупка телефона за несколько тысяч евро – обычное дело. Элегантно помешивая кофе ложечкой так, чтобы маникюр искрами переливался в свете настольной лампы, дива ласковым голоском поведала, что у телефона суперпрочный корпус. Из тех, что в огне не горят и в воде не тонут. И даже если похоронить его вместе с владельцем, то он пролежит там тысячу лет. Только представьте себе – вы уже давно прах, но вам все еще можно позвонить.

– Что находятся и такие? Любители загробного общения?

– Вы даже не представляете, сколько тафедобов среди наших клиентов!

– Кого?

– Тафелефобия – боязнь быть похороненным заживо. Однако, не будем о грустном.

Девушка улыбнулась Бориванычу, и в уютной комнатенке зацвели акации.

– Главная наша фишка – это, конечно, кофе.

– А если я буду в Зимбабве? В пустыне Сахара?

– Почитайте договор. Мы обязуемся доставлять кофе в ЛЮБУЮ точку мира. В том числе и в Россию. Если кнопка хоть раз не сработает – вернем деньги за телефон в полном объеме.

С драгоценным пакетом под мышкой Бориваныч вышел на пражскую улочку и будто околдованный побрел к отелю. Денег на сувениры не осталось, а на кредитке безнадежно повис баланс в триста тысяч. Хорошо еще, что билет до Ростова был выкуплен заранее.

Увы, бизнес Бориваныча давно агонизировал, его маленькая турфирма «Южный рай» медленно угасала на фоне других гигантов-монополистов. Он продолжал делать вид, что все по-прежнему, пушил перья и ездил на машине, чей движок жрал половину его месячной зарплаты. А сам получал лишь небольшие проценты с продаж, которых едва хватало на то, чтобы отбить аренду офиса. Как получилось, что он отдал в пражском магазинчике последнее – мужчина искренне не понимал. Все произошло как во сне: девушка из прошлого с красивым ногтями размешивает ему в чашке – ко-

фе... Он мечтал об этом с тех пор, как Катька Громова разбила ему сердце и вышла за другого.

Жене Татьяне такой аргумент не годился. Она была женщина суровая, не гнушалась даже рукоприкладством. Из всех сил пытаюсь забыть Катьку, Борис сразу после армии женился на воздушной студентке из Педагогического. Милое создание каждый раз беззащитно поправляло очки, перед тем как что-то сказать. А через несколько лет Бориваныч с ужасом обнаружил, что женат на детском кошмаре. Теперь каждое утро за столом перед ним сидела злая училка из его школы, с красными губами, буклями на голове и уродливой брошкой-ящерицей на груди. Из тех, что ненавидят детей, этих мерзких карликов и их идиотов – родителей.

Но вот, наконец, долгожданный момент настал. Леночка, дочка, которая работала у него секретаршей в турфирме, отпросилась на свидание. Мать ее никуда не пускала, поэтому он иногда «крышевал» девятнадцатилетнего ребенка. В пределах разумного, разумеется. Сидя в офисе, Бориваныч крутил в руках новенький телефон. Аппарат был сделан безупречно. Идеально. Будто его ковала артель инопланетян. Он лежал на ладони так, словно гигантская капля ртути, растекаясь, приняла форму руки.

Палец потянулся к иконке с кофейной чашкой.

–Была не была, – подумал Бореваныч и нажал на заветную кнопку.

В ответ жалобно пискнула смс-ка. «Заказ принят. Ожи-

дайте»

Бориваныч пригладил волосы, причесал косматые брови и поправил галстук. Накануне он сходил в парикмахерскую, обновил в солярии оставшийся от поездки в Египет загар и был во все оружии. Когда жены не было рядом, он снова становился самим собой. Короткая стрижка, честные серые глаза, немного суховатая фигура. А при Татьяне усыхал на глазах, горбился и пытался забиться в угол.

Мужчина нервно походил по небольшой комнатке с двумя компьютерами и сел в кресло для клиентов. Затем поправил букет на окне. Он купил красные розы.

В дверь постучали.

– Да-да, – прочистив горло, как можно басистее сказал Бореваныч.

В офис ввалился грязноватого вида мужичонка со спортивной сумкой Адидас на плече. Он немного помялся при входе, словно оценивая обстановку, потом увидел Бореваныча и расхлябанной походкой прошел к столу.

– Чашку давайте.

Бориваныч автоматически достал из ящика стола чашку с грудастыми деваками в купальниках – сувенир благодарных клиентов из Турции.

Мужичок вытер руки об штаны, открутил крышку термоса, который вытащил из сумки, затем высыпал что-то из пакетика в чашку и помешал все это авторучкой, лежавшей поблизости.

Потом вытер авторучку об себя, достал из кармана лист бумаги и попросил подписать.

– Что это? – в изумлении воскликнул Бориваныч.

– Кофе по требованию. Все как в договоре.

– А где она?

– Кто она?

– Серебряная девушка.

– А..Эти. Они там, – мужичок с тоской махнул рукой куда-то далеко за окно. А тут я за них. Что-нибудь еще?

– В смысле?

– Ну, сливки там...Сахар.

– Нет, спасибо.

– Не за что. Обращайтесь.

Мужичок замешкался за спиной.

– Наверное, ждет чаевых, – устало подумал Бориваныч и машинально отхлебнул из чашки. Изображение мира вокруг поплыло, а потом и вовсе погасло с тоненьким писком, словно кто-то выключил старый телевизор.

Очнулся Бориваныч оттого, что телефон отчаянно вибрировал у него в нагрудном кармане. Кругом была темнота, и Бориваныч с трудом пошевелил затекшими руками. Плечи уперлись в преграду, и он осознал, что лежит в ящике. Кое-как он вытащил из кармана телефон и посветил вокруг. 50 пропущенных вызовов от жены не сулили ничего хорошего, но еще хуже было то, что мужчина оказался в гробу.

– Вы уже прах, а телефончик работает, – вспомнились

слова чешской красавицы. Кислород заканчивался, а батарея угрожающе разряжалась. Из последних сил Бориваныч нажал кнопку с чашкой.

Она стояла в свете желтого фонаря, опираясь на соседнюю оградку, и улыбалась. В кладбищенском освещении серебряная девушка превратилась в золотую. Волосы, как у боттичелливской Венеры струились по плечам. За спиной мерцали кресты.

– Наша компания приносит извинения в связи с произошедшим. Ужасная история. Сотрудник в России оказался вором, он отслеживал кофейные вызовы, приезжал к богатым клиентам, грабил и убивал их. Вы родились в рубашке. Согласно пункту пять точка два нашего договора, вы можете требовать материальную компенсацию. Это почти миллион рублей. Будем писать рекламацию?

– Как вас зовут?

– Меня? Геля.

– Выпейте со мной кофейку, Геля. За жизнь после жизни.

ДОМИК ДЛЯ БАРБИ

Свадьба моей сестры была отвратительна. Я вообще не хотела туда идти, но мама заладила песню про передавшееся мне генетическое уродство по линии Олениных. Уродство было невидимым, потому что пряталось (по словам мамы опять же) в непомерной гордыне нашей родни. Маленький голожопый, но очень гордый народец, – любила обзывать маман меня и бабулю. Да, может так оно и есть.

Ехал на ярмарку ухарь-купец, молодой удалец, чтобы купить там, на базаре невест, мою Дуську. Торгаш был упакован по полной программе – дорогая тачка, квартира, дача за колючей проволокой на хрустальном озере. Что такое чувства он не знал, но был уверен, что если назначить хорошую цену, то они придут. Во время свадебной прогулки он всю дорогу трещал по телефону. Фотограф и оператор тужились изо всех сил, чтобы сделать из этого борова романтического принца, но он только отмахивался от них как от надоедливых мух и орал в телефон довлатовское «абаномат». Дуська пыталась сказать ему, что надо позировать, но он отпихнул ее в сторону и велел заткнуться. Что-то не ладилось там, в далеком денежном мире ухарей-купцов. А молодая жена забывала, что ее место отныне как у багажа в самолете – под лавкой. Систер изо всех сил улыбалась, до последнего пытаюсь мне доказать, что Алик достоин вселенской любви и ува-

жения.

Вот и получала теперь, коза упрямая.

– Дуська, не дури. Ты не любишь его, – тысячный раз пыталась я ее образумить.

– Ну почему ты такая злая? Он сказал, что вытащит нас из дерьма. Посмотри в чем ты ходишь! А мама? На нее же без слез не глянешь. Алик добрый и заботливый.

– Расчетливый барыга. Жабий сын загробастал дюймовочку. Помнишь сказку про мини девочку, что очень хотела замуж?

С тех пор мы больше не разговаривали. Дуська объявила мне холодную войну. А мама была не ее стороне. Сестренка родилась после того как мы переехали в коммуналку. Папа выгнал нас из квартиры, когда мама была уже изрядно беременной. Так и образовалось наше тесное женское комьюнити в одной комнате – бабушка, мама и мы с сестрой. Мама молчит как партизан, но я подозреваю, что Дуська – незаконный плод любви, за который мы все дружно поплатились. Папан решил забыть о прошлом и выкинул нас из своей жизни разом, будто снес коробку слепых котят на помойку. А мы ничего, выжили. Бабуля, правда, вскоре умерла. Она была дворянка, которую выдали замуж за торгаша. Говорят, дед в ней души не чаял, осыпал бриллиантами. Но она влюбилась в офицера и ушла к нему. Согласно легенде, дед сказал – Милочка, ведь все что на тебе – драгоценности, одежда – это ведь все я купил. Как ты можешь так поступать? На что бабу-

ля сняла с себя все, кроме нижнего белья, и ушла навстречу любви. Дед вскоре умер, а офицера убили на войне. Бабуля осталась одна и без гроша в кармане, но ни разу не пожалела о том поступке. Хотя мама, которой бриллианты никто никогда не покупал и на руках не носил (был муж, да и тот выгнал) бабулю за ее дворянские выкрутасы тихо ненавидела. За глаза называла «рыбья кровь». Я одна была с ней близка.

– Ты пойми, Нюся, одну вещь, – говорила бабуля, – если бы я осталась тогда с дедом, я бы всю жизнь жалела, что струсила. А так мне не в чем себя упрекнуть. За такую любовь ни то что квартиру, жизнь не жалко отдать. Никогда не выходи замуж, если нет огня. Даже если угольки тлеют – тоже не выходи. Никакими силами не распалить то, что само не горит. Полыхать должно так, что ничем не задуеть и не зальешь. Так, чтобы вдохнула от счастья, а выдохнуть не смогла.

В Питере всегда тучи, серый блин застыл над городом. Надеюсь, сегодня бабуле с неба не видно, что тут творится.

Глядя на такое мясистое, под сто килограмм счастье как Алик, хочется взять пачку банкнот, сунуть в свадебный торт и забрать Дуську домой. Но брачный контракт подписан, кольцо с гигантским бриллиантом переливается на свету и наполняет мою незрелую восемнадцатилетнюю сестренку тем же восторгом, что и когда-то первая кукла Барби.

Я купила ей Барби после того, как месяц разносила рекламные газеты по подъездам. У Дуськи день рождение перед Новым годом, да и к тому же намечался знаменательный

2 и три нуля. Миллениум. Во всем мире люди, обнимая елку, взлетали 31го числа на воздушном шаре в небо, ныряли в океан или высаживались на льдины в Антарктиде. Все хотели отметить смену века как можно оригинальнее. А я, распахав кое-как последние рекламки, побежала в магазин. Мне хотелось купить настоящую, дорогую Барби. Ту, о которой страстно мечтала наша малышка, сидя по многу часов одна в комнате с серым грибком на протекающем потолке. Год выдался тяжелый – мама вкалывала на двух работах. Она поздно нас родила, Дуську почти в пятьдесят, да еще и на фоне развода, так что здоровье было подорвано. Начались проблемы с сосудами, и мама пролежала в больнице четыре месяца. Я разрывалась между школой, мамой, сестрой и работой. Никогда в жизни я не спала крепче, чем в 12 лет. Даже пьяница Леха, мечущийся в белой горячке в соседней комнате, не мог мне помешать. Голова падала на подушку, и я улетала в темноту. Снов не было – за день мозг так уставал, что не успевал их выдумывать. Оле Лукое с волшебным зонтиком под мышкой приходил к добрым и злым детям. Меня он ни разу не навестил. Наверное, потому что я сразу родилась взрослой занудой.

Так вот Дуське тоже было не сладко. Мы не отдали ребенка в школу, потому что некому было ее туда водить. Решили год подождать. И девочка целые дни сидела одна дома, подперев дверь изнутри креслом, чтобы Леха не смог вломиться в комнату. В нашей коммуналке есть еще соседка Элина,

учительница русского языка (выглянуло солнце, и если бабуля ты посмотришь, то вон она сидит в дальнем углу, есть мраморный стейк за тысячу рублей кусочек) Она-то и подала идею сделать для Барби дом. Настоящие игрушечные дома для этих красоток стоили каких-то баснословных денег. Чтобы купить такой, надо было пятьсот лет разносить рекламки и ничего не есть. Мы на них с Дуськой ходили смотреть, как в музей. Роскошные спальни с миниатюрными подушечками, на которых вышиты малюсенькие красные маки; раздвижные шкафы с полками для обуви ломились от золотых и серебряных туфелек; белоснежная ванна с махровым пушистым ковриком внизу... Продавщицы уже знали нас в лицо. Одна из них, тетя Наташа, кормила нас конфетами и всегда радовалась, если приходили новые домики. Для нас это было знаменательное событие. А однажды она подарила Дуське Кена. У него была немного поломана нога, но это не мешало быть ему элегантным мужчиной. Мы назвали его Байрон и сделали ему крючковатую трость из ветки ольхи. Молодой паре нужен был дом. Мой одноклассник, друг и воздыхатель Димка сказал, что можно поискать чертежи для домика в интернете и попробовать сделать его самим. Дуська пришла в дикий восторг, и вскоре в нашей сумасшедшей квартире развернулось бурное строительство. Димка резал дом из фанеры. В нем должно было быть три этажа. Элина шила занавески и постельное белье, а я разрисовывала обои и делала мебель из картона. Счастливая Дуська помогала всем поне-

многу.

Воспользовавшись суматохой, к нам прорвался Леха. Домик был уже почти готов. Слегка покачиваясь, сосед долго смотрел в одну точку перед собой, потом смачно выматерился и сказал: – А че мебель бумажная? Как она сидеть-то будет.

Элина выставила его за дверь, и мы продолжили мастерить.

Мы делали домик около двух месяцев. В конец концов там было все – мы даже придумали как сделать камин из спичечных коробков и скатать из ваты тигриную шкуру. Леху несколько дней не было не видно- не слышно, а потом он принес нам чудесную деревянную мебель – ни чета нашим клееным поделкам. Там была настоящая кухня с навесными шкафами, стулья и столы, кровати. В общем все, чтобы окончательно заполнить домик мечты.

Дуська обожала домик. Она играла в него, даже когда выросла и стала барышней.

Благодаря тому, что у нас были четырехметровые потолки, мы сделали в комнате второй этаж. Детская была наверху. Я подросла и сползла вниз, а Дуська разместила там свое кукольное царство.

Незадолго до свадьбы я поймала ее на том, что она, разговаривает с куклами. Мне даже на секунду показалось, что ей отвечает мужской голос. Кажется, он говорил о том, что теперь им нужна загородная вилла и автомобиль.

Когда ей было 10, она утверждала, что жизнь в домики происходит по-настоящему. Она больше не плакала, если мы с мамой уходили работать и оставляли ее одну допоздна. У нее теперь был собственный мирок – там, в красивом доме жила большая счастливая семья. Там не надо было стоять в очередь в туалет по утрам и мыться холодной водой. Не надо было бояться по ночам пьяного соседа и его дружков. В домике Барби папа любил своих детей и возил их на рыбалку (озеро она нарисовала на бумаге, а лодку и крохотную удочку подарил Димка). Там никто не приходил с работы усталый до такой степени, что не мог разговаривать. Семья Барби собиралась каждый вечер за круглым обеденным столом с вышитой скатертью. Они шутили, смеялись и ели конфеты. И Дуська жила там вместе с ними. Это было райское место, где царила любовь.

Алик появился в нашей жизни, когда Дуська заканчивала школу. Он присмотрел ее на концерте, где сестренка выступала вместе с хором. Стал заваливать цветами и подарками, катал на яхте, в общем дал хлебнуть глоток красивой жизни. Как после этого было не захотеть выпить всю бутылку сразу? Я была категорически против, но мама обозвала меня Ленинским выкормышем и завистливой дурой. Мол, я ни с кем не встречаюсь, вот и завидую счастью сестры. А то, что Алик не красивый, так для мужика это не главное. Дуську любит и все для нее сделает. Совет им да любовь. Тем более что Алик прозрачно намекал о том, что вытащит нас из этой

коммуналки. Слово честное купеческое он сдержал, и вскоре намечался наш грандиозный переезд в квартиру в спальном районе. Я заехала к Дуське в загородный дом узнать, что делать со старыми вещами. Сестренка была непривычно тихой, с отрешенными, словно выгоревшими на солнце глазами. На внутренней стороне локтя из-под рукава халата сверкнул синяк.

– Я хотела спросить, что делать с домиком? Может забережь на память?

– Сожги его.

– В смысле?

– Полей горючим и кинь спичку. Они обманули меня, пусть сгорят в аду.

ПИАНИНО

Мое первое пианино с романтическим названием «Ласточка» я ждала целый год. У моей учительницы был Беккер. Удивительный инструмент с резным рисунком, витиеватой золоченой надписью по центру и встроенными канделябрами из латуни. Учеников у Елены Георгиевны было немного, человек шесть, и по особым праздникам она устраивала для родителей показательные выступления. При полном параде – мальчики в костюмах, девочки в вечерних платьях – мы должны были сыграть для публики несколько композиций. Я не помню, чтобы я когда-нибудь еще так переживала. Разве что, когда пыталась без взятки сдать вождение в ГАИ. Ладони потели, и в горле пересыхало, будто туда насыпали песка. Я смотрела на мерцающие свечи, потом пальцы робко ощупывали клавиши цвета слоновой кости. Глубокий вдох ныряльщика – и я забывала обо всем на свете и летела вслед за мелодией.

В советское время, которое кажется теперь волшебным, так как там осталось мое детство, пианино было дефицитом. Дефицит – это удивительное явление, благодаря которому многие простые и доступные на сегодняшний день вещи, тогда становились Прекрасной Грезой. Ты не мог вот так за просто зайти в магазин и прикупить себе рояль-другой. Они были страшно дорогие и главное – по записи. Раз в неделю

надо было ездить в магазин проверять, не подошла ли очередь. Ждать было очень волнительно. Я заглядывала сквозь замерзшую витрину внутрь магазина «Рапсодия», и видела, как другие счастливики забирают полированный «Красный октябрь», жмут его клавиши и педали, засовывают головы под крышку и слушают настрой. Пока грузчики несли пианино к машине, другая семья крутилась рядом с ними, охала на каждом повороте, пытаясь заслонить от всех руками и телом это чудо. Потом мать семейства долго ругалась с грузчиками, которые смели так небрежно, волоком тащить их хрупкую мечту. Их счастье казалось мне абсолютным.

Наш номер был 524. Поэтому родители вначале отправили меня к учительнице на испытательный срок. Если есть способности, тогда дождемся очереди, а если нет – то в местном Доме пионеров и школьников есть бесплатный кружок любителей кактусов.

Музыкальный талант обоймой не выстрелил, как ждали мама и папа, но слух прорезался. Пол года я ходила на уроки музыки, где терзала настоящее немецкое пианино, а дома репетировала на самопальном. Папа нарисовал на картоне клавиатуру и я, уложив ее на кухонный стол, исполняла самые прекрасные мелодии в мире. Красивее их я не слышала ничего в жизни. Музыка переполняла меня, пальцы стремительно летали по рисованным клавишам, и я представляла себя в белом платье на сцене огромного театра за большим белым пианино. Зал бушевал. Зрители хлопали и кричали –

бис. Я же медленно и аккуратно, без грохота (как учила Елена Георгиевна) закрывала крышку и задувала свечи в канделябрах. Застав меня однажды в подобном экстазе немного исполнения, мама решила, что я схожу с ума, и потащила папу в магазин. Так в нашем доме появилось пианино. И оно мне нравилось гораздо меньше, чем картонное. Звуки, вылетающие из-под моих пальцев, были отвратительной какофонией. Вдобавок ко всему «Ласточка» постоянно требовала от меня жертв. Мне приходилось заниматься по многу часов вместо того, чтобы играть во дворе с друзьями. На пианино стоял будильник, строго контролируемый мамой, который не позволял мне слезть с круглого стула, пока не выучены этюды Черни. Меня жестко наказывали, если я приносила по музыке двойки. Признаюсь, я часто ненавидела Ласточку. У нас были с ней непростые отношения. Иногда она была покладистой, и я без труда разучивала сложные мелодии, но чаще всего клавиши не слушались меня, длинны детской руки не хватало, чтобы целиком взять октаву, и я срывалась, плакала, долбила со всей злости кулаком по клавиатуре. Мама давала мне подзатыльник, кричала, что они вложили в мою музыку все силы и деньги, что она заморозила придатки, стоя зимой в очереди за дурацким пианино. И хотя через несколько лет я уже могла более-менее прилично исполнять Моцарта и Бетховена, а папе аккомпанировать романсы, я разлюбила музыку. Когда я сдала последний экзамен, то убрала ноты в коробки и больше к Ласточке не прикасалась.

Потом родители развелись и продали общую квартиру. Мне при разделе имущества, как тому дурню из сказки, досталось пианино, на котором я больше не играла. С тех пор начались мои с Ласточкой скитания по съемным апартаментам. Она честно выдержала два переезда, но третий, как мне сказали знакомые, будет последним. Пианино не любит транспортировку и быстро портится. Поэтому, когда у меня, наконец, появилась собственная квартирка-живопырка, стало очевидно, что с пианино пора прощаться. Грузчики сказали, что для Ласточки придется выламывать дверной проем. 29 хрущовских квадратных метров были предназначены только для того, чтобы есть и спать, и никак не располагали к искусству с применением габаритных музыкальных инструментов.

Я дала объявление. Вскоре позвонила какая-то дамочка и согласилась забрать Ласточку. Мы чудесным образом обо все договорились, после чего я предусмотрительно спросила:

– А вы не хотите узнать, сколько оно стоит?

– Стоит оно ровно столько, сколько мне придется выложить за перевозку. А вы что, пианино за деньги хотели продать?

– Можно поменять...на синтезатор.

– Вот наивная. Вы почитайте объявления, там эти пианино пачками отдают, умоляют, на коленях в очереди стоят – только вывезите слона из квартиры. Пыльного мамонта прошлого. А она – продать...

Так я узнала, что пианино больше никому не нужны. Это такой же атавизм как скажем пейджер или печатная машинка. Они занимают много места, собирают пыль и расстраиваются.

На велотренажере хотя бы белье можно сушить, а пианино совершенно бесполезная штукавина. И я отдала свое пианино «в хорошие руки». Все равно я семь лет не открывала крышку. За ним приехал кудрявый молодой человек лет двадцати, очень артистичный. Он поразил меня тем, что сходу виртуозно сыграл на расстроенной Ласточке фрагмент Чардаша и, я, уверившись, что мой инструмент и дальше будет служить Музе, протерла ее на прощанье тряпочкой. А чтоб отвлечься от грустных мыслей, начала упаковывать вещи для переезда. Мне казалось, что я совершила гнусное предательство. Я испытывала двойственное чувство – облегчение смешивалось с ощущением потери. Ласточка была верным спутником, она хранила множество воспоминаний, клавиши до сих пор пахли моей родительской квартирой, а я с ней так ... Вывезла слона. В утешение я представляла себе маленькую девочку, которая играет на нарисованных нотах и мечтала, чтобы Ласточка досталась ей.

Ночью не спалось. Вещи были упакованы и готовы к транспортировке. Пустое место в углу у окна мозолило глаза. Я решила прогуляться. Моя собака Клепа поддержала меня ритмическим помахиванием хвоста. Вспомнился ненавистный манометр – никогда мне не удавалось попасть в точный

ритм.

В Питере были благословенные белые ночи, когда народ бродит по городу так же массово как днем, только бесцельно, пьяный и с открытой для разговора душой. Квартира, с которой я съезжала, находилась на Гороховой, и я решила выйти проветриться вдоль Фонтанки. Стояла необыкновенно душная ночь. Молодежь валялась на траве, парапетах набережной, а кое-где прямо посреди проезжей части. Бедная Клепа в полной растерянности не знала как бы поделикатнее задрать лапу, чтобы никого не обмочить. Мы решили сделать круг, перейти через мост и двинуться в сторону Техноложки. По пути я услышала звуки фортепьяно. Точнее первой их услышала моя верная псина и потащила меня вперед. Какого же было мое удивление, когда я увидела, что прямо на набережной, около спуска в воду, стоит старое пианино. За ним в большом плюшевом кресле сидит сисястая тетка в цветастом халате и изо всех сил долбит по клавишам собачий вальс.

– Ни хрена не играет, – сказал тетка и со всей дури двинула по инструменту ногой. Пианино жалобно загудело.

Мимо шла компания туристов.

– Дайте мальчику сыграть, – закричали они.

Пацан, лет десяти, пытался отбрыкаться, но они силой подтащили его к пианино.

– Давай, чувак, играй. Мурку можешь?

Компания заржала.

Мужик в тренировочных штанах с бычьей шеей был, су-

дя по всему, отцом юного Моцарта. С таким не поспоришь. Негнущимися пальцами, мальчик сыграл мелодию «К Элизе». Толстуха не хотела терять свое место и насадала на пацана сбоку, не давая достать до соседней октавы. Мальчик оказался зажат с двух сторон отцом и теткой.

Звучание показалось мне до боли знакомым. Я тоже играла эту музыку в его возрасте. Я подошла совсем близко и о ужас... этот лакированный бомж с оторванной крышкой оказался моей Ласточкой.

– Это мое пианино. «Что оно тут делает?» — изумленно сказал я.

– Нееет, – помахала «цветастая» пальцем перед моим носом, обдав меня перегаром. – Докажи, что твое. А то много вас тут таких, до чужого жадных.

– Ага, набежали сразу на халяву, – согласилась с ней Бычья Шея. – Может это мой рояль.

– Папа, – прошептал пацан, с ужасом представляя, что теперь придется играть сразу на двух инструментах, – у нас же есть пианино.

– Не бзди, сынок. Будет два. Путь докажет вначале, что это ее.

– На клавише Ля в нижней октаве скол. Я уронила на нее вазу.

– Что ты гонишь? Ляля-тополя. Ты документы на инструмент вначале покажи, гарантию там... чеки, а потом посмотрим. – доносился издали голос беснующегося мужика, кото-

рого компания потащила дальше по набережной.

– Если твое – садись и играй. «А я петь буду», – с хрустом потягиваясь в мягком кресле сказала тетка.

Она встала во весь рост и из-под нее, пискнув, выскочил лысый мужичонка. Не оглядываясь, он рванул в ближайший двор.

–Сбежал сука, – с грустью сказала тетка и отхлебнула пиво из большой бутылки, стоявшей рядом. А обещал утром с мамой познакомиться. Мы живем в одной квартире, в соседних комнатах. Я ему – Валерка, давай поженимся, в моем углу жить будем, твой – узбекам сдавать. Заживем как люди. А он – не хочет. С таким трудом сегодня поймала его. Музыкой взяла. На живца. Он у меня культурный, театр любит. Тут пацаны здорово играли вечером, один на пианино, а другой на скрипке пиликал. Вот мой Валерка и вылез концерт послушать...Ничего, дома его достану. Ээх, давай про хризантемы. Так чтобы душа рвалась на части. Иначе хрен тебе моржовый, а не пианино.

Я начала играть. Первый куплет она выла, второй рыдала, а на третий велела играть про соловья. – Саааловой мой, сааалооовой, – волной прокатился леденящий душу вопль по дворам-колодцам, и соседи пригрозили милицией. Тетка угомонилась.

–Сыграй что-нибудь простое и красивое.

И я начала играть. Солнце взошло над желтым домом и сделало его похожим на гигантского цыпленка. Музыка нес-

лась, разливалась над рекой. Пальцы бегали по клавишам, безбожно фальшивя, но все же унося меня в мир свечей и канделябров.

Очнулась я, когда тетка уже уходила. Я окрикнула ее и спросила, можно ли забрать пианино.

– Забирай. Оно не мое. Тут студенты рядом квартиру снимают, актеры. Так они устраивают музыкальные вечеринки. Вскладчину вывозят у кого-нибудь рояль, бацают на нем до утра, а потом бросают. Ты только поосторожнее, сейчас дворники придут, материться будут – туши свет. Могут и ментов позвать. Они уже три рояля отсюда выволокли, спины надорвали. Убить готовы этих студентиков. Но мы с Валеркой их прикрываем. Нам музыка нравится. Ты классно играешь. Приходи к нам еще.

Стало совсем светло. Молодежь рванула к открывшемуся метро, и Фонтанка вмиг опустела. Мимо проехала уборочная машина. Клепа скулила и просилась домой. Я легла в кресло, привязала собаку к ножке пианино, и стала ждать дворников.

ПОДАРОК ГЕРОЮ

.Рано утром мохнатая морда просовывается в дверь и беззвучно на меня смотрит, зажав в зубах ошейник. Морда может не производить ни звука, но я всегда просыпаюсь от ее пристального, почти гипнотического взгляда. Животное вынимает меня из самых недр сна, из путешествий по иным, куда более привлекательным, нежели наш обгаженный пустырь, мирам, чтобы сказать этим взглядом: «Чувак, вот у тебя вот туалет под боком, сверкает розовым кафелем. А мне какого, ты хоть на минуту представляешь?» И я, еще недавно свободный от всего человек, иду в дождь и слякоть с этой тварью на поводке. Хотя, что греха таить, я уже искренне к ней привязался. Морда, в отличие от моих женщин, нежное, доброе и верное существо. Еще бы! Ведь благодаря мне это чудовище вытянуло самый счастливый собачий билет.

Началось все с того, что ни свет ни заря меня разбудил коллега и спросил, могу ли я подменить его на съемке для телевидения. Очередная рекламно-политическая заказуха. Я – оператор – фрилансер, снимаю все, даже свадьбы, но деятелей телевизионных искусств, честно говоря, не долюблю. Уж больно жадная и циничная сволочь. Думаю, что перед тем как взять их в штат на телевидение, в отделе кадров делают специальные инъекции, снижающие душевную чувствительность.

Но в нашей профессии выбирать не приходится, раз-два откажешься от съемок, и вообще перестанут звонить, поэтому я, конечно же, согласился.

В машине сидело трое – водитель Володя, Стасик-инженер (толстый нытик, с которым я уже несколько раз работал) и журналистка – гарпия в мини-юбке. Я открыл багажник, чтобы положить туда технику и обнаружил, что место занято. В задней части минивена сидела здоровенная уродливая псина и зло рычала. В машине воняло так, будто телевизионщики возили с собой весь животный состав шапито.

– Что это за чудо? – поинтересовался я у Гарпии.

– У этого идиота спрашивай, – барышня скривилась и отвернулась к окну.

– Я не виноват. Лена сказала, что надо бабушке привезти в подарок собаку. Типа старушка сама просила зверя, чтобы сторожил новый дом. Я поехал в питомник и мне дали эту. Выбраковка кавказца, зато бесплатно. Сказали, отличная сторожевая. Это вообще не моя обязанность за собаками ездить. Лена, ну в чем дело, – заканючил Стасик, отключив для пущей жалости нижнюю губу.

– Я просила СО-БА-КУ, а не монстра. Есть милые, среднего роста псы. Какого черта ты взял эту Баскервилину?

– Так бесплатно же. За благодарность в титрах. Нормальная собака, чтобы огород сторожить... Подарок герою.

Баскервилина, глядя на меня, жадно сглотнула слюну и оголила зубы.

– Друзья, – прервал я их перепалку, – а, чем, пардон муа, так адски воняет?

– Пока мы за тобой ехали, эту тварь укачало, и она заблевала мне всю машину, – откликнулся водитель. – А до деревни еще полтора часа езды.

Далее начался кромешный ад. Собаку в машине болтало и тошнило из стороны в сторону. Она выла, лаяла, рычала и отчаянно рвалась к нам в салон. Лена, поджав ноги, переползла на сиденье к водителю, а мы со Стасиком остались держать оборону. Я попытался отгородиться от чудовища квадратным отражателем, но она прогрызла в нем дыру. Потом срыгнув, предприняла последнюю попытку пробиться сквозь кардон, и это ей удалось. Рычащая мохнатая тварь кинулась прямо на нас, норовя вцепиться в горло. В глазах Стасика я прочитал смертельный ужас. В долю секунды он перемахнул на водительское место, но грамотно втиснуться туда третьим не сумел. Толстяк толкнул водителя, и машину со всего размаха занесло на обочину. К счастью, водила был опытный, чудом успел перехватить руль и аккуратно затормозил.

– Все, – сказал он, открывая багажник. Нах вашу Баскервилли.

– Володенька, пожалуйста, – со слезами взмолилась Гарпия, миг став обычной девчонкой. Мы не можем приехать без собаки. Там будет главный управляющий железной дороги, и новостийщики специально приедут снимать, как мы

дарим бабке ключи от дома и собаку. Всем разосланы пригласительные билеты с анонсом. Нас уволят, если мы ее не привезем.

– Выкинем сейчас эту, а на подъезде я вам лично поймаю другую шавку.

– Володя, миленький, – рыдала Лена. Собака же из питомника, чистая. Другая будет блохастая и в лишаях. Бабку заразит. Нас потом не только выгонят, но еще и посадят.

Водила, как и я не выносил женских слез. Он сплюнул сквозь зубы, захлопнул багажник, и наш караван мечты помчался дальше.

По пути Лена рассказала, что несколько месяцев назад, в тверской области поезд сошел с рельс. Съехал он к местной старушке прямо в огород, снеся до основания ее и без того шаткий домишко. Но баба Зоя была человеком старой советской закалки, над имуществом охать не стала, а начала по-военному доставать людей из поезда, бинтовать раны и перетаскивать по одному в баню. На дворе стояла лютая зима, январь месяц. Холод, говорят, был дикий. Беременная женщина получила травмы и оказалась на снегу без обуви, так бабка сняла с себя валенки и надела на нее, а сама гоняла босиком по двору, пока не приехали скорая помощь и милиция. Раненых увезли, поезд оттащили на ремонт, и в принципе, про бабу Зою, никто бы и не вспомнил, если бы не Случай. Та самая беременная, благополучно родила именно в тот день, когда наш премьер-министр общался по телеви-

зору с населением. Она возьми, да и позвони ему. Так мол и так, бабка нас всех спасла. И моего сынишку новорожденного тоже. А как скажите, сложилась ее судьба? Домик ей хоть починили? А то может скинуться всем миром на жильё герою?

Что тут началось! Глава РЖД сразу выступил с публичным заявлением, что баба Зоя – национальный герой и пример для подражания молодежи. Та самая женщина, что в горящую избу войдет, и поезд на ходу остановит. А поскольку поезд – это их ответственность, то компания почтет за честь построить старушке новый дом. Чиновники забегали, разыскивая бабу Зою, которая переехала к дочке в соседнюю деревню. Вмиг на месте уже окончательно сгнившего домика завертелась глобальная стройка.

И вот сегодня героиня теленовостей, баба Зоя, должна принимать ключи от дома, а PR отдел железной дороги не додумался ни до чего лучшего как подарить ей собаку. Эту собаку.

Стасик, трусливая рожа, все-таки втиснулся между Леной и водилой, а я остался с чудовищем один на один. Как только собака прорвалась в салон, она успокоилась. Возможно, тут ее укачивало не так сильно, как в багажнике. Морда подползла ко мне и положила сухой нос на ботинок. У нее были глаза как когда-то у моего соседа, звукорежиссера Борьки, который на съемках в Абхазии отравился чачей. Ей хотелось одного – умереть. Я почесал собаке ухо, она глазами сказала

«спасибо». Помню, Борьку мы отпаивали минералкой. Тогда я достал бутылку воды, открыл, и собака благодарно засосала спасительную жидкость прямо из горлышка. Остаток дороги, весь покрытый блевотиной, я старался не шевелиться лишний раз, чтобы не разбудить ее.

Мы зашли к бабе Зое в дом, и Лена тут же побежала в ванную приводить себя в порядок. Зверя мы привязали у забора. Я пошел снимать новое жилище во всей красе. В туалете сидел узбек, доклеивающий последний рулон обоев. Коридор меня попросили не показывать вообще. Там и находится- то пока что было небезопасно. На втором этаже клеили плитуса. Чиновники поставили нереальные сроки сдачи дома, и теперь подрядчики активно делали вид, что он давно готов.

Бабку усадили за стол, накрытый белой скатертью. Рядом поставили корзину с плетеным караваем и самовар. Благоухая духами и туманами, из ванны вышла Лена, и мы начали.

– Скажите, вы рады, что у вас новый дом?

– Конечно, деточка. Я же сорок лет работала на железную дорогу, стрелки переводила. Потом просто сторожем работала по ночам. И все просила у них – залатайте крышу. Тот домик у меня старенький был, со всех щелей текло. Осенью по ночам полиэтиленкой накрывалась.

– Ясно. Как вам новый дом, который вам подарило наше руководство железной дороги? Все нравится?

– Конечно, такое счастье. А то ведь старый совсем развалился. Я к ним каждую осень ходила в управление, говорю –

миленькие, залатайте бабке крышу, сыновей нету, одни доч-ки разведенные. Они – нет бабка денег. Бюджет не резино-вый.

А теперь как поезд ко мне съехал в огород, так сами при-шли. Добрые люди, дай им бог здоровья.

– Этот дом ведь лучше того, что был?

– Конечно, в старом крыша уже как десять лет текла...

– Стоп.

Лена нервно курила во дворе.

– Нарежем синхрон, как думаешь? Так чтобы без крыши, чтоб ее...

– Не знаю. Тебе виднее. Боюсь, что рекламная акция «баб-ка сердечно благодарит поезд переехавший дом» провали-лась.

– Это мы еще посмотрим, – Лена стиснула зубы и ринулась обратно.

Вскоре мы отправились снимать торжественное вручение ключей и сторожевой собаки. Собаку держал водила, Стасик услужливо тыкал звукозаписывающей пушкой начальству в зубы. Чиновник с бабой Зоей перерезали красную ленточку, и под бурные аплодисменты ей вручили ключи от дома. Кру-гом щелкали фотоаппараты, Бабка кланялась начальству в ноги, Лена цвела, и все было прекрасно. Пока не дошло дело до собаки.

Увидев это чудовище, старушка перекрестилась и спря-талась в прихожей. Всем было велено выключить камеры –

бабке стало худо с сердцем.

Журналюги радостно рванули за дом – там для них уже дымился мангал с шашлыками и стыла водка. Новоселье героя нужно было достойно отметить.

Я собрал камеру и дедолайты и зашел спросить у дочери Зои, как бабуля себя чувствует.

– Спасибо, сынок. Уложили ее, дали валидол, уже лучше. Миленький, я тебя Христом богом прошу, забери псину. Мы к ней подойти боимся, придется ветеринара звать, чтобы усыпил. Не гуманно как-то. Но нам такую кобылу не прокормить, ей же кастрюлями варить надо. Из управления мне названивали – что подарить на новоселье, что подарить? И внучка попросила маленькую собачку. Видел, наверное, в городе, сейчас они в моде. Девчонки в сумочках носят. Лысые, глазастые собачки, трясутся все время как парализтики. Нюська давно о такой мечтала. Им еще одежды можно шить разные, как куклам. Я возьми и попроси такую собачку. А что привезли? Чистый дьявол – воняет, морда волосатая, зубы торчат. Я к ней подошла – она как кинется, чуть ногу не прокусила.

Я пошел к Морде. Она узнала меня и жалобно заскулила.

– Куда ты ее, – преградил мне дорогу водила. – Я эту тварь назад не повезу.

– Это теперь моя собака.

Я отодвинул Володю, открыл багажник и загрузил имущество.

– Ты что, совсем придурок? – подлетела ко мне Лена. Морда клацнула зубами у ее щиколотки, и она с визгом запрыгнула в машину. Обрато ехали молча.

Усталые и вонючие, мы с Мордой вышли в городе и побрели к дому. Телевизионщики еще долго с недоумением смотрели нам вслед.

СЕВЕРНЫЙ ГОЛОС

(О, прекрасная эпоха пейджеров, где ты?)

Бывают сны, которые не дают покоя. Они возвращаются вновь и вновь, на протяжении многих лет, словно требуя, чтобы мы вняли тому, о чем они с таким невероятным упорством пытаются рассказать. Но язык снов мне недоступен и после навязчивого просмотра, я всегда просыпаюсь не в духе. С завидной регулярностью мне снится стылый провинциальный вокзал: обшарпанные стены, задрипанные люди на скамейках, дети, замотанные во все вещи, что были в чемоданах, опаздывающий на множество часов поезд и гнусавый голос в динамике. Ужасно холодно, а поезда все нет и нет, и постепенно создается ощущение, что, кроме этого, занюханного места на земле вообще больше ничего нет, а поезд, который все с таким нетерпением ждут – всего лишь миф, массовая галлюцинация. Да и я здесь – уже не взрослая женщина, работник солидной фирмы, а семнадцатилетняя девчонка, которая уезжает с Юга на Север, чтобы отморозить там все органы чувств и никогда больше не вернуться обратно.

С трудом встав с кровати, я пытаюсь вернуться в то состояние «каменной стены» в котором меня привыкли видеть окружающие. Но все валится из рук, и я злобно вытряхиваю в мусорник забитую до отказа пепельницу мужа и пинаю в зад ни в чем неповинную, но попавшуюся так некстати, со-

баку. Как всегда, выкипает этот чертов кофе и, окончательно выведенная из себя, я еду в офис пейджинговой компании, где вот уже как три года работаю городским ухом, то бишь оператором.

Если представить себе Город в качестве живого существа, то я сижу аккурат в его голове, где-то на уровне барабанных перепонок. Я – городской слуховой аппарат, виртуальный протез, в который ежедневно и еженощно вливаются просьбы, угрозы, признания и мольбы, шутки и пошлости. Мой график один-через три: я работаю сутки, после чего на три дня впадаю в спячку. И все вроде бы ничего, но проблема в том, что я слишком много думаю, в то время как городскому уху по статусу думать не положено вовсе. Несмотря на то, что прошло уже немало времени с тех пор, как меня, по большому благу, воткнули на это место, работа оператора для меня все еще в новинку. Совершенно того не желая, я фильтрую в голове каждый звонок. Я слушаю женские томные, мужские злые, детские писклявые и старческие дребезжащие голоса, и мой мозг забит ими до отказа. Это голоса Северного Города и, если их суммировать, то он предстанет перед нами в двух лицах. С одной стороны – это жирный, перекормленный Робин Бобин Барабек, который все время требует, чтобы ему купили хлеба-булки-молока, памперсы-прокладки-сосиски, сыра-масла-огурцов, отключили утюги, не забыли позвонить, вернули деньги, не опоздали на встречу и т. д. Он так много жрет, что, наверное, скоро лопнет. Он много

работает, потом пьет с друзьями пиво и идет домой спать.

С другой стороны, Город – беззащитный ребенок. Он много плачет, нервничает и суетится. Он обижается на ерунду и радуется хорошим новостям. Он любит маму и еще кого-нибудь. Он боится, что однажды все это кончится. Он волнуется по пустякам, и это – самое беспокойное место на планете.

Вот т сегодня не успела я прийти, как начались звонки: «Обязательно купи два кило сливочного масла на ужин»; «Марк, сволочь отдай деньги», «Маша, привези расческу в больницу, а то вши поползут по кровати», «Папа позвони домой. Не могу найти опилки от хомяка», «Ленчик, купи винца и мяска» ... И бесконечные просьбы «позвони мне, позвони». По весне Город влюбляется, ненадолго превращаясь из Робина – Бобина в пылкого любовника. Это моя самая любимая пора, поэтому я с удовольствием строчу по клавишам послания для «любимых зайчиков-пусиков-кусиков – барабусиков» В моей жизни так мало любви, что приятно соприкоснуться хотя бы с чужой, пусть даже подслушивая в замочную скважину. Городские страсти проходят через мои уши, мозги и сгорбленный от долгого сидения за компьютером костяк позвоночника, вызывая приятное волнение. Он ее любит, а она выходит за другого. Она беременна, а он не хочет. Он опаздывает на свадьбу. На мосту пробки. Не забудь одеть черный платок на похороны.

А потом Город снова начинает жрать (купи яйца, сыра, колбасы, сладкие бублики и ананасы, и корову и быка, и кри-

вого мясника) и материться как сапожник.

Иногда я с завистью смотрю на девчонок, чьи мозги заняты шефом или другими мужчинами, а посему рабочая информация в них совершенно не задерживается. Молотя кончиками пальцев по кнопкам, я внушаю себе, что моя голова – всего лишь машина, аппарат для чужих слов, требований и желаний, мои уши и пальцы – это не более, чем передатчики информации. Но тут же звонит какой-нибудь тип с осипшим от перепоя голосом, и начинает вопить: короче так, мамзель, диктую: если ты, (незынзур выр.) завтра не вернешь бабки (незынзур выр.), то я тебя (незынзур выр.) смешаю с (незынзур выр.) И засуну тебе (незынзур выр.) в твою (незынзур выр.) (незынзур выр.)

Дело в том, что матерные выражения в пейджинговых сообщениях недозволительны, поэтому мы должны тщательно отслеживать непечатные слова, а подчас и целые фразы, дабы заменять их на нейтральное «незынзур. выр.» Зато, когда я прихожу домой, то в моей голове регулярно проскакивают такие «незынзурвыры» как будто я работаю не в престижной конторе, а в подсобке у грузчиков. Парадокс заключается в том, что, несмотря на безумную неразбериху в моей голове, я никогда не смогу добровольно бросить эту работу. Я срслась с городским телом, стала его органом, избавиться от которого можно только методом жестокой, без наркоза, ампутацией. Но я же не Ван Гог, чтобы резать собственное ухо...

В конторе Машка, позевывая, сворачивает вещи и сдает

мне «вахту». Я с тоской гляжу ей вслед. Среди девиц, работающих здесь, я кажусь себе старой калошей, хотя многие утверждают, что я еще «ничего». Даже сам шеф-американец пару раз пытался ко мне приставать. Впрочем, этот мерзкий Анкл Бенц, как я его называю, не пропустил здесь ни одной юбки. Ходит слух (который скорее всего он сам и распустил), что ему нужна русская жена. Якобы он, в связи с успешной работой компании, решил окончательно перебраться в Россию. А так как эта версия вскоре размножилась, раздулась и обросла сведениями о денежных счетах «хозяина», то теперь ему нет необходимости прикладывать хоть какие-то усилия, чтобы заманить этих бабочек-красоток к себе в койку, на водяной матрас. Даже не поворачивая головы, я вижу как они автоматически долбят клавиши, принимают сообщения, а в глазах у каждой мечтательно светится по пол сотни звезд с пестрого американского флага. Что касается меня, то сэр Николас мало трогает мое воображение, отчего довести работу до автоматизма никак не удастся.

На мгновение ночные страхи опять накатают на меня и, убрав палец с кнопки, которую надо нажимать, как только поступит звонок (иначе нажмут другие и заработают на этом свой процент), я застывшим взглядом смотрю на подергивающиеся строчки на экране монитора. Они выстроены лесенкой, из которой складываются чьи-то жизни и взаимоотношения. Есть там с десятков и моих изломанных ступеней. Много лет назад я уехала из маленького южного городка,

чтобы штурмовать Северный Олимп. Но Город меня невзлюбил в одночасье – слишком горячая кровь в жилах мешала нормальному течению жизни. Если бы я умела делать вид, что меня, как большинство моих пейджировских абонентов, волнует только хлеб насущный, то вошла бы в городские ворота без проблем. Но по молодости говоришь то, что думаешь, думаешь то, что чувствуешь, а чувствуешь то, что жжет изнутри, поэтому призрачные двери ледяного дворца захлопнулись передо мной, так и не успев раскрыться. За десять лет у меня практически не появилось друзей (в том широком смысле, который подразумевается на Юге, когда друзья – это больше, чем родственники), а с мужем мы зажили долго и счастливо, проплывая по огромной квартире, как рыбы в аквариуме, практически не пересекаясь. Мой муж из аборигенов – настоящий горожанин с холодным сердцем и здравым рассудком. Подруги по общежитию плакали от зависти: найти местного, с отдельной квартирой, да еще и бизнесмена – предел всех желаний. Но за десять лет совместной жизни я поняла, что мы находимся по разные стороны городских ворот. Муж – человек, который гуляет сам по себе. Мама, изредка приезжая к нам, до сих пор тяготится его присутствием потому, что он умудряется быть и не быть рядом одновременно. Я к этому привыкла, но окружающие в таких случаях начинают чувствовать себя дискомфортно – как если бы рядом нахально шастало Кентервильское привидение, не обращая на вас ни капли внимания. Долгие годы мама пе-

ла песню о том, что мне нужно срочно подыскивать другой, альтернативный вариант супруга и успокоилась лишь три года назад, когда наткнулась на мой пустой взгляд. Со временем я все чаще ловила себя на мысли, что постепенно становлюсь такой же как муж – вещь в себе. Люди вокруг, включая мою маму, больше не вызывают у меня не только симпатии, но и желания вообще как-то с ними взаимодействовать. Я думаю, что работа в пейджинговой компании привлекла меня именно тем, что не нужно общаться с Городом напрямую, смотреть ему в глаза и соприкасаться с мирком, который мне совершенно чужд и неинтересен. Я люблю все эти кнопочки и дисплеи, потому что они напрочь отгораживают меня от других жильцов. Мать кричит, что муж сделал из меня урода, что они совсем по-другому меня воспитывали, но я не слышу ничего из того, что она говорит. Я осталась у дверей в Северный Города, примерзла к ним и заснула, как девочка со спичками – ни там, ни тут.

«Здравствуйте, вас приветствует пейджинговая компания «Суперлинг»!

В трубке молчание. «Говорите, вас слушают» – раздраженно гавкаю я, потом что еще только час ночи, а я уже безумно устала.

«Скажите, сегодня можно с вами поговорить?» – вдруг раздается приятный мужской голос.

Я узнаю своего поклонника, если, конечно, у городского уха могут быть поклонники (чуть не сказала уха-жоры). Он

звонит мне иногда просто так, от нечего делать. Знает мой голос и может трезвонить хоть миллион раз, до тех пор, пока я не нажму заветную кнопку соединения. Говорит, что ваяет ангела, а я – его Муза

Мимо, расточая аромат дорогого одеколона, проплывает сэр Николас, и я вмиг становлюсь серьезной.

– Я могу только принимать сообщения

– Но вы ведь не бездушная машина, давайте немного поговорим.

– О чем?

– О жизни

– Она меня не интересует

– Меня тоже, давайте встретимся после работы. Вы когда заканчиваете?

– В пять утра. Но...

– Я буду ждать вас у выхода.

– А как вы меня узнаете?

– Женщину, которую не интересует жизнь, узнать не сложно.

Я уставилась в монитор, судорожно соображая, что именно произошло. С какой стати я согласилась встретиться с незнакомым мужчиной в то время, когда даже птицы еще не проснулись? Но было в его голосе что-то такое, давно забытое, словно из прошлой жизни. Ласковый тембр, от которого мое ухо начало ныть и болеть.

Он стоял на мраморных ступеньках – симпатичный муж-

чина лет 35-ти. Увидев меня, сразу подал руку, чтобы помочь спуститься. Была ранняя весна и любые перемещения по ступенькам грозили переломами конечностей.

«Пойдемте» – тихо сказал он, и я пошла, ориентируясь на звук его речи, такой непривычно ласковой и живой. Голоса – это моя стихия, я ориентируюсь в ней с закрытыми глазами. Все повторяют единожды сказанную глупость о том, что душа человека в его глазах, тогда как на самом деле душа – это голос. По нему можно определить практически все, даже будущее, поэтому я без сомнения последовала за незнакомцем.

Держась за руки, мы шли по сумеречным улицам центра, и мерцающие фонари то и дело выхватывали из темноты красоту Города – барельефные фасады домов, маленькие сказочные башенки с заточенными навек принцессами, купола церквей и крышу Мечети цвета индиго. В темноте она казалось ярким куском южного неба, которое, как и я, оказалось здесь совершенно случайно.

Мы шли и просто разговаривали о том, о сем. Мой спутник оказался реставратором Крепости, точнее ее высоченного шпиля.

– Хотите, я покажу вам Город?

– Я не люблю его.

– Как можно не любить того, кого ты даже не знаешь?

Началось великое восхождение. Пару раз моя нога проваливалась в зазоры между досками и, казалось, что пройдет

вечность, пока мы доползем по лесам до самого верха. В голове гудело, как после ныряния на большую глубину. Я присела на деревянную ступеньку, чтобы набраться сил.

«Пойдем, я покажу тебе что-то» – сказал он и исчез в низком проеме башни. Я заглянула туда и обомлела – на полу лежал ангел, снятый со шпилья.

«Я почти уже собрал его – словно извиняясь, сказал реставратор, – остались только крылья.» Крылья стояли в углу и, смахнув с них пыль, я прижалась к ним всем телом.

«Осторожно, испачкаешься. Пойдем, лучше посмотрим на Город», – оторвал он меня от ангела и, обняв, потащил на самый верх, на временно пустующий шпиль.

Из-за крыши Собора появилось солнце и осветило Другой Город. Это был вовсе не то серое, невзрачное, вечно жующее голодное существо, каким я знала его по работе. Это было сердце ангела, которое билось, сверкало и, главное, любило меня. Оказывается, все эти годы я пыталась что-то услышать, понять и проанализировать, в то время как нужно было просто открыть глаза. Много лет я была городским ухом, которое ни разу не слышало биения собственного сердца.

ЧЕРЕПАХА

Ленке Бурцевой не везло в любви. От нее сбежал уже второй муж. Мы сидели в кафе, заливая ее горе пивом.

– Я ведь его обожала, понимаешь? Все для него делала: еда как в ресторане, рубашки наглажены, в санаторий возила, массажиста приглашала (у него проблемы со спиной), грибами лечебными из специальной аптеки кормила. Ангиной болел – ночи просиживала у его постели. Барсучий жир для него по всему городу искала.

– Ел?

– Ел, куда бы он делся. Да и все вроде было хорошо, пока не сдох Эдуард

– Кто?

– Его черепаха. С детства с ним жила.

По щеке подруги скатилась пьяная слеза.

Оказалось, по ночам Ленку преследовал кошмар – ей казалось, что тропическое животное замерзает, и она постоянно вставала и подвигала коробку с черепахой поближе к батарее. Та отползала – Ленка двигала. Отползала – подвигала. И так всю ночь. Вскоре черепаха перестала есть.

– Заболела, – решила Ленка и положила черепаху на батарею, на тряпочку. Но глупое животное не понимало своего счастья. Вскоре Ленка обнаружила Эдуарда качающимся на тюлевой занавеске.

– Совсем одурел от холода, – решила Ленка и намертво прилепила скотчем коробку с черепахой к чугунной трубе.

Наутро она достала из коробки пустой панцирь – бедняга высох от жары.

– И тогда он собрал вещи и ушел. А я ведь, понимаешь, жила ради него. С утра ему витамины на стол выложу, фрукты-овощи намну-нарежу. Все только свеженькое. Ну, скажи, разве от такой любви уходят?

– Не, Ленка, не уходят. Высыхают на месте.

О КНИГАХ И МЫШАХ

Есть что-то невыносимо грустное в этих ободранный интерьерах, гигантских люстрах старого, заброшенного особняка. Кто-то написал в комментариях, что фото выглядит так, будто там кого-то хоронят. И правда похоже на панихиду. Грустная песнь о бумажных листах, которые когда-то были на вес золота (да, что ж такое, снова о смерти, чур меня чур, совсем о другом я). Но про вес золота я не преувеличиваю. Когда мне было пять лет, нашу квартиру ограбили. Знаете, что они украли? Книги. Я первый раз видела, чтобы мой папа плакал. У него была большая библиотека, которую он кропотливо собирал много лет. Начал еще с тех времен, когда бы студентом в Москве, откладывая по копейке на собрания сочинений Чехова. Даже не представляю, на что я могла бы так кропотливо сегодня копить, отказывая себе лишний раз в выпивке (а может и в куске колбасы). Так вот, папа копил, копил и собрал к моему рождению вполне себе приличную библиотеку. Толстой, Достоевский, Гамсун, Беляев, разные собрания приключенческой и фантастической литературы. Много поэзии и пр. Кажется, тогда на книги была подписка, и он регулярно ходил на почту, получал заветный томик и бежал домой ставить на них фамильную печать. Это всегда был маленький праздник. Ритуал. Мы вместе открывали книги, нюхали страницы (я до сих пор так делаю

в книжных магазинах, свежая типография имеет удивительный запах). Потом папа доставал пластиковый ножик, и мы разрезали склеенные листы. Делать это нужно было чрезвычайно осторожно. Я чувствовала себя хирургом, в руках которого - тонкая человеческая жизнь. А затем было время печати. Не знаю, зачем папа это делал, может ему казалось, что с отметиной книга уж точно будет навеки его. Либо, предчувствуя беду, страховался на случай кражи. С отметиной легче было бы опознать свои книги в комиссионках. Печатью служила моя стирательная резинка, на которой он вырезал вензелем свои инициалы. Мне была доверена процедура увлажнения печати (я просто ее жевала) Затем резинку надо было как следует измазать шариковой ручкой и поставить штамп в книге, в нижнем углу страницы. Этого папа мне доверить уже не мог и всегда делал сам, пока я, затаив дыхание, наблюдала. Потом на книгу торжественно одевалась обложка, и папа начинал ее читать.

И вот однажды, придя с работы домой, папа обнаружил лишь жалкие обломки своей книжной империи. Все воровы унести, конечно же, не смогли бы физически. Они выбрали серии побогаче, с золотым тиснением и картинками. Приходила милиция, искренне сочувствовала и брала у нас отпечатки пальцев. Папа пережил удар, но наш ритуал книжного посвящения перестал существовать. Но всю жизнь я читала, читала все время. Увы, в период моих скитаний с квар-

тиры на квартиру, книг с каждым переездом становилось все меньше (Господи, зачем Агату Кристи тащить, пылища-то какая от нее. Скачаешь в интернете!). И сейчас у меня дома одна маленькая полка с «избранным».

Я собираюсь как-нибудь сходить на раздачу книг, может, даже сниму там маленькое кино. А если бы писала рассказ, я бы закончила так.

В зале старого, потрепанного особняка на полу лежали книги. Они устилали ровным слоем потрескавшийся, когда-то чудесный мраморный пол так, что для того, чтобы пройти, приходилось передвигаться скачками. Люди скакали то там, то сям, пытаюсь найти свои любимые книги среди гор никому ненужной литературы. Кругом все чихали. Облако книжной пыли полупрозрачной пеленой накрыло обшарпанный зал, превратив его в Хранилище Древности. Я, как и все прыгала и чихала, пробираясь к Чехову. У папы когда-то украли третий том. Долгое время полка выглядела как щербатый рот, а потом дырку в строгом ряду зеленых книг заткнул детектив Акунина. Я нашла третий том. На сотой странице стоял чей-то вензель. Не такой как был у нас, самодельный из резинки, а красивая печать с надписью – Коллекция №1.

ЗАВТРА НЕ ПРИДЕТ НИКОГДА

(1997 год)

Мы едем по извилистым горным дорогам, что на юге Германии, и фары то и дело выхватывают из темноты кресты с фигуркой Иисуса в натуральную величину человеческого роста. Возможно, они стоят для того, чтобы напоминать влюбленным парочкам, выползающим на рассвете из ровных рядов кукурузы о том, что они грешники. Хотя, о чем я говорю? Запад в большинстве своем давно перестал играть в эти романтические "кукурузные" игры и обзавелся для амурных встреч комфортабельным жильем с мохнатыми ковриками в стеклянных лоджиях. Скорее, эти фигурки установлены для того, чтобы проезжающие мимо водители ненароком вспоминали о том, что кроме всепоглощающего комфорта, о котором кричит здесь все – ванна с игрушечными рыбками, сортир с подогревом дерева в форме улиток и так до бесконечности, есть еще нечто другое, недоступные пониманию муки, кровь и гвозди.

Нести свой крест, сидя в белом мерседесе под музыку Ника Кейва легко и приятно. Дэвид прикуривает две сигареты и одну протягивает мне. Мы многозначительно дымим. Будущего мужа я подобрала в буквальном смысле на пыльной дороге, хотя и поговаривают, будто бы стоящие мужики там не валяются. Это случилось в одну из тех ночей, когда по-

ссорившись со своим бой-френдом, который в буквальном смысле устраивал мне каждую неделю такой бой, что мне не позавидовала бы даже Айседора Дункан (та самая несчастная, которая, согласно воспоминаниям современников, во время потасовок с известным русским поэтом самозабвенно восклицала : Русская любовь! Это русская любовь!) я убежала в ночь. Спасаясь от столь экспрессивного выражения чувств, я очередной раз бороздила темень, которая поглотив меня бесконечными питерскими проходными дворами, выплюнула уже ближе к мосту , там, где мерцали слабые малочисленные фонари. Совершенно не ориентируясь на местности (что было замечено еще в школьные годы во время игры в зарницу, когда, ворвавшись в свой лагерь вместо вражеского я пыталась похитить флаг), я много раз плутала по этим дорогам, убегая от него навсегда, до тех пор, пока не запомнила одну – через мост. Транспорт уже не ходил, и мне предстояло пройти весь этот путь пешком. Тем не менее данная альтернатива выглядела для меня гораздо более привлекательной, нежели вероятность всю ночь выслушивать душевраздирающие крики Петренко, подвергая к тому же опасности свою жизнь. Стоит отметить, что возлюбленный мой сочетал в себе все самое плохое, что только может уместиться в одном мужчине. Азиатская звериная ревность умудрялась сочетаться с редкостной практичностью и поиском личной выгоды во всем и вся. К примеру, как будущая жена я была совершенно ему невыгодна: надо ведь кормить и одевать,

а как любовница я раздражала его своей независимостью и возможностью найти кого-то еще. Выбрать из двух зол меньшее он никак не мог и от этого бесновался, ревновал и равномерно вытягивал из меня все соки. Однажды в магазине я наблюдала сцену, когда маленький мальчик уселся на пол и стал орать, требуя, чтобы ему купили «хоть что-нибудь». Его гримасы были еще по-обезьяньи детскими, но в глазах уже отражалась настолько взрослая ярость и ненависть, что мне стало не по себе. Его мама билась в истерике, уговаривая маленького строптивца подняться, но он не поддавался. В конце концов, она что-то ему купила. Вот так, бывало, всегда и у меня с Петренко: как только он хотел чего-то от меня добиться, то начинал орать, и я практически без боя сдавала свои позиции.

Мост гулко отстукивал мои шаги, когда впереди возник чей-то темный силуэт. Мне, честно говоря, стало не по себе от этого призрака посреди дороги, но присмотревшись, я обнаружила, что это всего-навсего заблудший алкаш, который перекинувшись через перила благополучно отправлял все съеденное накануне в Неву. С облегчением я потопала дальше, но вдруг "алкаш" застонал и как герой американских ужастиков, пожираемый мерзкими монстрами, протянул ко мне дрожащую руку и произнес: "Хелп ми..." на довольно приличном английском языке. Я немного помялась и решила подойти. "Алкаш" тут же повис у меня на руке и, дыхнув перегаром, в стиле светской беседы поинтересовался: Do you

speak English? Я ответила, что да, немного. Тогда он стал тыкать мне в лицо бумажкой с адресом и повторять: пожалуйста, вызовите такси. Возраст иностранного алкоголика был совершенно неопределим, поскольку он весь зарос волосами как горилла. Но, в общем, вид был неагрессивный и в чем-то даже вызывал сострадание. Наверное, такое частенько случается с иностранцами после первого эксперимента с истинно русским напитком. Приобщаясь подобным образом к нашей национальной идее, они обычно не осознают насколько рискуют всем: деньгами, документами и даже жизнью. Ведь там, в мире всеобщего комфорта, где наперед все предусмотрено и застраховано, в случае любого инцидента пострадавшему будет выплачена приличная сумма... У нас же, страховать никто не любит, скорее, впрочем, не из-за скарденности – плати, дескать неизвестно за что, а исходя из суеверных соображений – зачем кликать беду и выставлять свою собственную жизнь, как на аукционе? Еще прислушается кто-нибудь внимательный с небес и – пиши-пропало. А когда что-нибудь все-таки случится, то сразу же выяснится, что страховавшая вас фирма, давно переквалифицировалась в армянское кафе, деньги обесценились, а банки разорились. За ту копейку, что, возможно, и предложат, пострадавшему еще придется с пеной у рта доказывать, что конфликт начался с того, что соседский доберман первым вцепился ему в руку, а не он, будучи извращенцем, пытался изнасиловать несчастное животное в темной подворотне. Жить зав-

трашним днем у нас невозможно по той простой причине, что «завтра» – это страховка, кредитные карточки, нахально выпирающие из бумажника, счет в банке, внятноговорящий президент и стриженный газон перед домом. У нас все, что происходит – это сегодня и сейчас, present indefinite и ничего больше, а завтра, если переделать известную песню, не наступит никогда. Рассуждая таким образом, я взяла на последние деньги такси и довезла ничего не соображающего гостя нашей Родины до его гостиницы, благо, что она находилась недалеко и от моего дома. Портье, настолько переполненный сознанием своего величия, что оно уже вытекало из уголков губ и струилось на гладко вычищенные итальянские ботинки, презрительно скривившись в мою сторону, склонился к "алкашу" и спросил: это с вами? Затем велел мне предъявить документы. Я подумала, что скорее словом» это" можно обозначить тело, висящее на моей руке, но не желая вступать в лишние разговоры, показала паспорт, попросила портье доставить иностранного господина в номер и гордо удалилась. На стене, как очередной плевок, висело объявление, специально адресованное женскому полу с призывом оставлять паспорт в залог. Зная местные обычаи, несложно было предположить, что в каждой особи женского пола эти прохиндеи видят проститутку, мечтающую составить конкуренцию их «штатным» работницам. Позже Дэвид рассказывал, что единственным неудобством этой гостиницы были регулярные ночные звонки с предложениями на

всех языках приобрести на пару часов «красивую и горячую русскую женщину».

Рано утром позвонил мой истеричный возлюбленный и заорал: "Ну что, маленькое дрянцо, хорошо вчера повеселилась? Я тебе полночи звонил и где ты, интересно была..." Голос стал срываться на фальцет, и я предусмотрительно прикрыла трубку рукой. Для нас это давно уже стало привычной схемой отношений. Сейчас я повешу трубку, потом он немного успокоится и перезвонит, затем мы встретимся, дня два проведем в мире и согласии, а затем я опять убегу в ночь. Зевнув, я повесила трубку и пошла чистить зубы. Раздался звонок. Я зло проблеяла в трубку: ну чего тебе еще?

– Извините, могу я говорить с Жанной, – почти пропел человеческий голос с иностранным акцентом. Это говорит Дэвид и я хотел бы отдать вам деньги за такси

– А как вы узнали мой телефон?

– По адресу. Мне его дал портье. Пожалуйста, давайте встретимся через час, в ресторане "Колобок". Я вас приглашаю.

Повесив трубку, я стала недоумевать по поводу уникальной памяти портье -просто настоящий Штирлиц и в то же время я судорожно соображала, где находится ресторан "Колобок". По справочному «Где отдохнуть» мне сказали, что существует только одно заведение с таким названием, но рестораном его назвать можно только обладая большим воображением, поскольку оно больше напоминает пирожковую

времен застоя. Так и оказалось – классическое место для иностранцев увлекающихся советской историей доперестроечного периода – образцовая совдеповская забегаловка с ложечкой, привязанной к банке с сахаром, дабы не украли, а также с неизменным наличием уборщиц, выхватывающими тарелки из под вашего носа с остатками еды, чтобы покормить жирного, дремлющего на кассе, кота. Иностранцы обожают такие места, думаю хотя бы потому что их осталось очень мало, ну а сказать я был в России для них означает – я ел две сосиски за два восемьдесят алюминиевыми вилками с гнутыми конечностями, подобные которым в Берлине выставляются в галереях в качестве произведений концептуального искусства.

Мой вчерашний "алкаш" слегка побрился, но тем не менее от местных бомжей его отличала лишь некоторая самоуверенность во взгляде. На этот раз он выглядел как нечто среднее между человеком искусства и американским безработным. Долго вглядываясь в меня, он, очевидно, усиленно пытался пробудить остатки памяти, которые водка вытеснила без следа, а затем расплылся в широкой улыбке и сказал: Какая вы оказывается красивая! Это было приятно. Приятно было, наконец, общаться с кем-то, кто в первую очередь стремится узнать о тебе, а не вываливает разом свои проблемы и ожидает бесконечного сочувствия. Сейчас уже сложно сказать, был ли он лучше или хуже моего русского друга. Просто он был другой. Он слушал, что-то опять спрашивал,

держал за руку и кормил пирожными. Хотелось свернуться у него на коленях и замурлыкать – такое исходило от него спокойствие. В свою очередь я узнала, что он экономист, живет на юге Германии, изучает экономику, социологию и политологию, а сюда приехал в командировку, чтобы написать доклад о ситуации в России. Он замечательно говорил по-русски, хотя еще вчера не мог извлечь из себя ни слова, поскольку, согласно его истории, он накануне отмечал с русскими друзьями чей-то день рождение, а потом одиноко потерялся в питерских проходных дворах в поисках туалета, недоумевая по поводу того, как его высококультурные и сверхинтеллектуальные коллеги могли позволить себе справлять нужду на стены окрестных домов, громко подбадривая и его присоединиться к ним. Наверное, это такая русская традиция, подумал он и решил вернуться к друзьям, но не смог найти обратную дорогу. Эпизод на мосту он не помнил напрочь, и тут уж я, не удержавшись, язвительно поинтересовалась, существует ли немецкая традиция блевать с моста в реку, на что Дэвид захохотал так громко и непринужденно, что на нас покосились все присутствующие, включая кота с нахальной мордой. Мы проговорили взахлеб несколько часов подряд, потом погуляли по городу, и я отправилась домой. Немного мучила совесть, и я решила позвонить Петренко. Он был грустный и нежный, как всегда, после приступов агрессии. Приехал ко мне виноватый с цветами и вином, и мы провели великолепную ночь. Как всегда. Уже несколько лет длит-

ся этот деструктивный роман, и я знаю что ненавижу этого человека больше , чем люблю, но какая-то микрочастица меня привязана к нему настолько, что раз за разом , когда конец уже кажется неизбежным, я прощаю его за все, а главным образом за то, что он не любит меня Конечно по- своему любит, но мне хочется, чтобы любили по моему . А любить по-моему – это значит заботиться, холить и лелеять, поэтому я думаю, что кроме родителей меня никто еще никогда не любил. К примеру, разные мужчины по-разному реагируют на слезы. Заплакав первый раз перед мужчиной, женщина тестирует его реакцию, во -первых, проверяя его отношение к ней, а во-вторых, предполагая возможность использовать это когда-нибудь с выгодой для себе. На "слезный тест" Петренко не отреагировал никак, а когда я заплакала от горя он спросил- «зачем ты ждешь моей жалости, как побитая собака?» Так что больше я перед ним никогда не плакала – все равно это не срабатывает, если орган жалости у человека атрофирован. И ничего не поделаешь, если любовь, как известно, зла. Хотя, по мнению моей мамы не настолько же, чтобы влюбиться в Петренко

– Я знаю, что у тебя кто-то есть, у меня нюх на такие вещи,– сказал Петренко спустя две недели после моего знакомства с Дэвидом.

– Ну началось...

– Подожди, на этот раз я серьезно. Скажи честно есть или нет. Если есть, то я навсегда оставлю тебя в покое, уйду в

небытие и все. Даже дверью хлопать не буду.

– Да. Есть.

В трубке раздались короткие гудки, и я почувствовала облегчение от того, что все свершилось так быстро и легко. Операция прошла успешно, пациент будет жить. И я тоже.

Мама, я и Дэвид сидели в ресторане. Мы все знали, что происходит, и когда Дэвид торжественно попросил меня стать его женой, то мама прослезилась, а я, как в мелодраматическом кино, протянула руку для кольца. Ночью Петренко штурмовал мою дверь. Я притворилась, что меня нет дома, но он не поверил. Он кричал на весь подъезд, что я сука-стерва-дрянь и что он меня безумно любит. Он бился головой о стену, и кто-то из соседей уже кричал о милиции, когда я дрожащими руками рискнула повернуть ключ в уже изрядно измочаленной двери, чтобы пустить его во внутрь. Лоб у него был рассечен, и я стала наклеивать пластырь, параллельно нацеживая две порции валерианки.

– Почему ты выходишь замуж за него, а не за меня?, – как всегда безапелляционно заявил Петренко.

– Но ты говорил, что никогда на мне не женишься, что это ужасно даже представить себя под одной крышей с такой женщиной, что...

– Неважно, что я говорил, важно то, что есть, между нами.

– А что есть? Бурные ночи и истерики.

– Но мы принадлежим друг другу, мы предназначены друг другу.

– Ерунда. Эффективный заряд возможен только при взаимодействии плюса на минус, а у нас с тобой, к сожалению, батарейки вставлены неверно, то есть плюс на плюс, что означает сплошной кошмар уже много лет.

– А что дает Он тебе?

– Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

– Бог мой, какая банальность, к тому же это когда-нибудь наскучит, и что ты будешь тогда делать?

– Не волнуйся за меня.

– Не могу. Я люблю тебя, – он заплакал и я, утешая, стала по инерции его целовать и даже не заметила, как все случилось опять. Истерика и бурная ночь. Петренко всегда был как перетянутая струна – чуть тронь и все занует, завизжит и порвется, превратится в бесконечную любовь, а из страсти в склоку. Но тогда я не осознавала, что он давно стал частью меня, вросся в мое тело всеми нервными конечностями и бесконечным эгоизмом, хоть я того и не желала.

Самолет прорезает пространство и я чувствую, как погружаюсь в другое измерение, и что сейчас случится что-то страшное. Мы летим в пустоте и нет этому ни конца, ни края. Незнакомая комната и мужчина в постели, который как я начинаю осознавать – мой муж, начинает успокаивать меня после приснившегося кошмара. Я стараюсь отогнать ощущения тоски и зарываюсь в пухлые немецкие одеяла. Вечерами приходят знакомиться со мной очередные друзья Дэвида. Все очень милые и как один похожие на моего мужа – вни-

мательно слушают, дают почитать книжки и вскоре забывают о моем существовании. Мы живем в маленьком городке, недалеко от Штутгарта. Дэвид преподает в университете, а я целыми днями слоняюсь по маленьким тихим улочкам, каких очень много в немецкой провинции или же учу немецкий. Часто мы ходим в клубы или рестораны, где его друзья веселятся от души, постепенно не удосуживаясь мне перевести из их беседы ни слова по-английски. Я понимаю, что хочешь общаться- учи язык и всегда понимала, что мне, как хорошо натренированному псу, предстоит взять языковой барьер, но, к сожалению, он был не только языковым. Проще говоря, мне было скучно. В детстве я с невероятным восторгом наблюдала за движением игрушечной немецкой железной дороги, которая была у моей школьной подружки и являлась предметом всеобщей зависти. Я часами могла рассматривать маленькие домики, стоящие вдоль дороги, на окошках которых красовалась искусственная, неестественно красная герань, или же крошечные зеленые садики перед домиками с малюсенькими пластмассовыми скамейками. Мы мечтали о том, чтобы попасть в этот уютный игрушечный мирок и вот, как по взмаху волшебной палочки, я оказалась там – все те же милые домики, в них милые люди, с милыми улыбками. Все так мило и сладко, что хочется водки с соленым огурцом. Все хотят попасть в сказку, но, кажется, что никто кроме меня до сих пор не задумывался над тем, как из нее выбраться.

Так прошел год, и вот мы, согласно моей идее, сидим в машине в зарослях кукурузы, как малолетние любовники. Кукуруза – декорация, а секс, несмотря на внешний антураж, как всегда очень медленный и основательный, фундамент настоящего, экологически чистого немецкого счастья. Я затянулась сигаретой и невольно вздохнула.

– Что-то не так? – спросил Дэвид, заботливо заглядывая в глаза. До моего приезда сюда я была уверена, что этот взгляд, полный бесконечной заботы и тревоги, свойственен только ему, но потом встречала его повсюду – Правда, что вы в России не храните деньги в банках? (озабоченность в глазах) Правда, что у вас зарплаты в 20 долларов? (тревога) Правда...

– Слушай, я хочу съездить домой, хоть на неделю.

– Но ты же знаешь, что сейчас это невозможно, поскольку мы собираемся переехать в новый дом, а затем съездить в Испанию. Мы же договорились, что следующим летом обязательно поедем в Россию вместе. А пока пусть твоя мама приедет.

– У нее нет денег на билеты.

Дэвид деликатно промолчал и, аккуратно вытряхнув пепельницу в пластиковый мешок, спрятал мусор в бардачок.

– Да, – продолжил он, – России сейчас приходится не сладко, по подсчетам экономистов до полного дефолта осталось меньше, чем пол года. Так что представляю какое облегчение ты должна испытывать, находясь здесь. Неожиданно для

себя я разразилась длинной ругательной тирадой, которую иногда использовал Петренко и смысл которой даже я не могу уловить до конца, не говоря уж об иностранце.

– Что-что? Говори, пожалуйста по-английски, – сказал Дэвид с легким раздражением, которое я уловила впервые со дня нашей встречи. Молча мы порулили к дому. Было грустно, ведь он-то, действительно, ни в чем не виноват. Муж не понимает, как тяжело мне приспособливаться жить «ихним» завтрашним днем, где все до минуты и копейки распланировано и малейший сбой вызывает полное недоумение и протест.

Прошло еще полгода. Как-то раз я забрела в небольшую часовенку, в которой были похоронены русская принцесса Катерина и немецкий король Людвиг. Два бюста этой пары располагались неподалеку и, мне показалось, что в глазах русской царевны стояла невыразимая вековая тоска. Я представила как ей, наверное, не хватало русских полей, лесов и просторов. Но родителям было наплевать на ее чувства, надо было спасти страну от очередного дефолта, войны, или же путем смешения русской и немецкой крови улучшить генофонд. Я вышла из часовни, и тотчас пошел снег. Белыми хлопьями он как-то совсем по-русски падал на ровные ряды виноградников покрывающие холмы, на еще полу зелёные деревья и на мое лицо. Я машинально испугалась за косметику, но вспомнила, что, живя традициями другой страны уже два года как ей не пользовалась. Снег был откровением

и, вернувшись домой, я на одном дыхании, не позволяя себе задуматься ни на секунду, позвонила в Аэрофлот, продиктовала номер кредитки мужа, который предварительно переписала еще месяц назад, собрала те немногочисленные вещи, что у меня были – на западе не принято сильно тратить на одежду, – и написала записку. Разумеется, сплошные sorry, да и что я могла еще сказать...

Россия встретила метелью и потоком новостей – доллар растет, шахтеры бастуют, президенту выдвигают импичмент, прокурор опять развратничает, запад не дает кредит... Мама и плакала, и смялась одновременно. Но в общем, была счастлива, что я вернулась. Петренко распил со мной бутылку шнапса и тут же разбил ее о стену. Он усиленно делал вид, что у него произошли большие перемены – новая машина, работа, новая подруга. Даже показал фотографию какой-то девушки, но тут же швырнул ее об стену, вслед за немецкой бутылкой, и подняв меня на руки, отнес на кровать.

-Завтра ты переезжаешь ко мне.

– Завтра не бывает, – заметила я, лениво потягиваясь. Оно встает на Востоке и до России не успевает доползти.

–И все же завтра мы будем вместе, – продолжал талдычить свое, ничего еще не знающий Петренко. Он-то не понимал, что мы давным-давно застряли в одном дне, как герой фильма «День сурка». Завтра он снова начнет орать – «Как ты могла продаться этому фашисту!!!», и я опять убегу от его грубых и унижительных слов, нежелания жениться и

глупой ревности и мои шаги будут гулко долбить мост, укрытый темным покрывалом ночи. Но это будет завтра (или другое сегодня?), а сейчас, в данный миг я безумно счастлива.

ЗДРАВСТВУЙ, ПОСТ!

Масленица полыхала в парке ярким костром, от блинов подташнивало, да и водка уже давно просилась назад. Все, хватит, – решила Алена. – С завтрашнего дня – строгий пост. Ее муж Димон радостно поддержал эту идею и тут же немедленно выпил – за воздержание. В состоянии легкой эйфории, в светлом предчувствии новой, правильной жизни, они пришли домой и полезли в интернет, чтобы выяснить, что им с завтрашнего дня нельзя. Оказалось – нельзя ничего. Пока Алена зачитывала список допустимых к посту продуктов, Димон тоскливо смотрел в подсвеченную нежным светом глубь гигантского холодильника и понимал, что пришла пора прощаться. Прощай свинка, буженинка, грудинка, колбаска печеная, салака копченая. Здравствуй, пост.

– Алена, ну давай хоть буженину доедим. Я ее два часа готовил.

Доели. Заодно Димон проглотил и рыбу. Он большой мужчина, под сто кило веса, ему необходимо было запастись жирами и углеводами впрок. Сорок дней голода, это вам не шутки.

– Блин, у меня же коньяк початый. Выдохнется за месяц. Кстати, сегодня еще можно, сегодня праздник. Зато потом – ни-ни. Только кашу без молока, бобы и горох.

Выпили коньяк, закусив красной икрой, оставшейся от

«блинной недели». Еле прикончили банку. Алена была уже пьяна вдрызг, когда Димон попытался «врубить заднюю».

– Ален, а может, не будем поститься? Есть ведь заповедь – не навреди. А как тут не навредить себе, если целый день на работе голодаешь. Гастрит легко можно заработать. Или язву желудка. Помнишь, прошлый раз я в прорубь полез. Все говорили – прыгай, вода святая, только здоровее станешь. Закалишься. А я потом две недели с бронхитом валялся, чуть не помер. Или Семенов. Его жена выставила на крещение сырую воду на балкон, мол, и так станет святой, незачем в церкви в очереди стоять, когда ротавирус кругом бродит. А Семенов потом с поносом в больницу угодил. Тот же ротавирус и проглотил, только дома из банки. Дура, Машка, хоть бы кипяченую выставила. Может, ну его этот пост, нафиг. А, Аленушка?

– Не богохульничай, отрок. Грех сие, – пробормотала пьяная супруга и неуклюже завалилась на плиту.

Утром, болея с похмелья, Аленка убирала на кухне. Димон смылся на работу. Слава богу, греховный беспредел закончился, впереди снова забрезжила новая жизнь. Кухня после вчерашнего выглядела так, будто там пировали вражеские захватчики. Колбасные огрызки разной формы валялись на полу и там и сям. Судя по всему, Димон до последнего накидывался на сырокопченую палку, надеясь до утра ее уничтожить. С ужасом Алена обнаружила, что этот алкаш выпил также весь ее запас финского ликерчика, прибережен-

ного для встреч с девчонками. А затем полирнул все это дело бутылкой вина, оставшейся после восьмого марта.

Весь день Алена давилась гречкой, а к вечеру явился бледный, как тень отца Гамлета, Димон. Шеф отпустил его с работы пораньше. Очевидно было, что спасет супруга только тарелка наваристого мясного бульона.

– Ну ничего, ничего – утешала Алена мужа, с радостью выбрасывая в мусорку полкастрюли гречки, в следующем году попостимся. Тем более Любка говорит, что ее с этого поста разнесло как корову. Похудеешь тут как же, когда только каши одни с утра до ночи жрешь! Мне, кажется, я только за сегодня уже кило наела, точно. Пойду на весы встану.